

Ли Жун и сам затруднялся подобрать слова для этого чувства.

В новогоднюю ночь, тихую и безветренную, с небес внезапно посыпались снежинки. Совсем мелкие, почти невесомые, они кружили в воздухе, не спеша опускаться на землю. Если бы не лимонно-жёлтый свет уличных фонарей, юноша, скорее всего, даже не заметил бы их призрачного танца.

Благодатный снег сулит добрый год — похоже, само небо решило преподнести ему подарок.

Он с усилием приоткрыл узкую щель в окне. Старая пыль взметнулась вверх, на мгновение замерла в воздухе, но была тут же подхвачена и унесена снежным вихрем. С улицы потянуло свежестью, в которой угадывался терпкий аромат влажной земли.

Холод медленно коснулся кожи. Эта природная прохлада дарила Ли Жуну ощущение реальности, вырывая его из мира иллюзий и заставляя трезво взглянуть на этот капризный, нелепый мир.

Больше не проронив ни слова, он лишь крепче сжал телефон. Прильнув к окну, юноша из своей темноты наблюдал за хаосом, воцарившимся в залитом огнями банкетном зале напротив.

Впервые он в полной мере ощутил ту сокрушительную мощь, что даровало ему перерождение. Эта сила позволяла ему возвыситься над происходящим и взирать на всех свысока — так, как он делал это сейчас: укрывшись в тених, изучать тех, кто застрял в круге света.

Цэнь Сяо не торопил его. Никто не мог по-настоящему разделить чувства Ли Жуна в этот миг. Ему нужно было до капли испить вкус первого успеха, чтобы набраться смелости для каждого последующего шага.

Статья была опубликована сегодня, и новость разлетелась именно в этот час. Всё сошлось так идеально, словно по чьему-то хитроумному замыслу. Но он понимал: такие случайности невозможно подстроить, в мире слишком много вещей, неподвластных человеку.

Это была крупница сладости, дарованная самой судьбой.

Ли Байшоу, придя в себя, жалко и неуклюже попытался собрать осколки бокала, будто надеялся склеить воедино свои разбитые иллюзии. Он не мог допустить, чтобы люди из «Ланьшу» увидели его в таком постыдном состоянии. Ему нужно было во что бы то ни стало сохранить лицо, вернуть себе подобие достоинства и чинно покинуть приём.

Но пальцы предательски дрожали. Образ Ли Цинли, казалось, преследовал его повсюду, превратившись в несмыслимый кошмар.

Мужчина не знал, насколько велика ценность этой гипотезы. Он лишь мельком слышал о ней от самого автора и знал, что Ли Цинли потратил почти три года, проверяя свои выводы. Однако судя по тому, какой шквал обсуждений поднялся на «RQ Трендах», работа была по-настоящему выдающейся.

«Выдающаяся» — это слово окончательно лишило его сил.

«Талант — это то, чему можно завидовать до безумия, но чему невозможно противостоять. И я определённно не был тем, кого поцеловал бог»

Ли Цинли давно не было в живых, но его триумф обрекал его на вечное присутствие в этом мире. А профессор, хоть и вскарабкался на эту высоту, хоть и обладал положением, о котором другие не смели и мечтать, исчезнет бесследно, как только закроет глаза навсегда. Ведь он уже давно не молод.

Задумавшись, Ли Байшоу неосторожно задел острый край стекла. На коже выступила капля крови. Подбежавший официант тут же перехватил инициативу:

— Позвольте, господин, я сам всё уберу.

Мужчина замер, осознав, насколько нелепо он выглядит, сидя на корточках и выполняя работу прислуги. А Цэнь Цин продолжал стоять напротив, ледяным взглядом наблюдая за каждым его движением.

Чувствуя, как горят щеки, Ли Байшоу поднялся, опираясь на колени, и выдавил кривую усмешку:

— У меня возникли срочные дела. Я, пожалуй, пойду.

Цэнь Цин не стал его удерживать. Напротив, он сам едва сдерживал раздражение — в голове пульсировала кровь, и он мечтал лишь об одном: чтобы собеседник поскорее исчез. Иначе ему было бы крайне трудно объяснить гостям истерику Сяо Мужань. К счастью, в зале царил такая неразбериха, что на заплаканную женщину, стоящую ко всем спиной, никто не обратил внимания.

Ли Байшоу лихорадочно искал в толпе Лю Таньчжи. Она быстро взяла себя в руки. С совершенно невозмутимым видом женщина подцепила с подноса сэндвич с беконом и теперь медленно жевала его, наслаждаясь изысканным вкусом. Муж, найдя её, в бешенстве схватил супругу за руку:

— Живо домой!

Лю Таньчжи понимала, что им нужно уйти вместе, но резкое движение выбило закуску из её пальцев. Она опустила взгляд на упавший сэндвич, на её лбу едва заметно дернулась жилка. Потребовалось несколько секунд, чтобы подавить вспыхнувшее раздражение.

Кто-то из сотрудников «Хунсо», воспользовавшись моментом, преградил им путь:

— Профессор Ли, вы видели новости? Как такое могло случиться? Когда профессор Ли Цинли успел отправить рукопись в журнал?..

В голове у Ли Байшоу всё смешалось. Если Ли Цинли отправил статью ещё до инцидента, а публикация просто совпала по времени с его смертью, то ситуация становилась донельзя абсурдной. Исследовательский институт «Хунсо» рисковал стать посмешищем. Ведь если гипотеза окажется верной, им волей-неволей придётся опираться на труды человека, которого они только что втоптали в грязь. Влияние Ли Цинли будет ощущаться годами, не имея конца.

— Я сам ничего не знаю, — бросил он через плечо. — Спросите лучше профессора Цзяна.

При этих словах все взоры устремились на Цзян Вэйдэ. Его лицо покраснелось, на лбу выступил пот — он явно был на пределе. Но ему нужно было во что бы то ни стало подавить это волнение и успокоиться.

— Тише, прошу вас! Теперь не время для рабочих дискуссий, — Цзян Вэйдэ поднял руку, призывая к порядку, и гул послушно затих. — Но прошу всех сохранять спокойствие. Мы в курсе этой ситуации.

Авторитет профессора Цзяна в институте был непререкаем. Если руководство владело какой-то информацией, он точно был в курсе. Его уверенный тон заставил многих поверить, что ситуация под контролем, а значит, и причин для беспокойства нет.

В толпе слышались приглушённые шепотки:

— Значит, профессор Цзян знал о публикации? И директор тоже?

— Наверняка. Ли Цинли не стал бы отправлять статью втайне от руководства.

— Но почему от нас это скрывали? Кажется, Ли Байшоу тоже был не в курсе.

— Сложно сказать... Учитывая всё, что произошло в его семье.

— Знаете, а я всегда думал, что Ли Цинли не такой человек. Все эти слухи...

— Тсс, помалкивай. Какая разница, что мы думаем.

Сотрудники «Хунсо» замолчали, но в рядах «Ланьшу» любопытство только разыгралось. Председатель Первого района Цзянь Чанли, стоявший неподалёку, решил подлить масла в огонь. Ему не было дела до научной этики и чувств профессора.

— Я в ваших колбах мало что смыслю, — весело вставил он. — Но получается, вам теперь придётся изучать статьи этого... как его... плагиатора?

Эта фраза мгновенно обрушила на зал ледяную тишину. Теперь всем было безумно интересно, какую позицию займёт институт. Если они признают работу Ли Цинли, значит ли это, что позорные слухи о нём были ложью? Ветер переменился? А если нет — стоит ли вообще браться за подобные проекты, чтобы не навлечь на себя беду?

Цзянь Чанли, поправив очки, огляделся с добродушной улыбкой:

— Ой, я, кажется, сказал что-то не то? Ну, вы не слушайте меня, старика, отдыхайте, ешьте! Считайте, я ничего не спрашивал.

Бросив Цзян Вэйдэ этот вызов, он преспокойно удалился вместе с женой в сторону зимнего сада, оставив профессора выпутываться из ситуации. Цэнь Цин, глядя ему в спину, лишь покачал головой. Благодаря дружбе их сыновей он неплохо знал Цзянь Чанли. В его неведении была своя прелесть: этот человек всегда оставался донельзя прямолинеен и ради собственного развлечения мог без зазрения совести наступить на чью-то мозоль.

Ли Байшоу, собиравшийся увести жену, снова замер. Ему нужно было услышать, что скажет коллега. Он терзался сомнениями: не разыграли ли его? Ведь если он сам завладеет данными с диска Ли Цинли и попытается их опубликовать, не окажется ли это ловушкой?

Лю Таньчжи не выдержала и резко высвободила руку из грубых пальцев. В её глазах на миг вспыхнуло отвращение. Краем глаза она заметила Хань Цзяня. Тот невозмутимо потягивал чай «Эрл Грей», всем своим видом показывая, что ответ профессора его совершенно не волнует.

Цзян Вэйдэ промакнул пот на лбу салфеткой и достал телефон. Прочитав сообщение, он заметно переменился в лице. Краска бросилась ему в лицо, а на лбу прорезалась глубокая складка. Спрятав гаджет, он обвёл присутствующих тяжелым взглядом.

— Я хочу, чтобы вы поняли одну простую вещь, — заговорил он дрожащим голосом. — Научные достижения — это достояние всего человечества. Они не должны служить характеристикой личности автора. Картина великого художника или музыка композитора живут собственной жизнью, отдельно от их создателей. Если работа несёт ценность, мы обязаны идти вперёд,

невзирая на крики и предубеждения. Поэтому, обнаружив завершённый труд профессора Ли, мы, после долгих раздумий, решили опубликовать его под именем автора. Я надеюсь, вы оцените мужество института, решившегося на этот шаг под огромным давлением, и оставите все свои подозрения здесь, в этом зале. Очень прошу вас об этом.

Договорив, Цзян Вэйдэ низко поклонился. По залу прокатилась волна аплодисментов. В ярком свете хрустальных люстр каждый присутствующий казался безупречным и благородным.

— Вот оно что... Бедный директор и профессор Цзян, сколько же им пришлось вытерпеть.

— Согласен. Достижения — это одно, а личные грехи — совсем другое. Нельзя мешать всё в кучу.

— Что ни говори, а в плане науки Ли всегда был выше всяких похвал.

— Профессор Цзян поступил абсолютно правильно. Нельзя быть рабом предубеждений, иначе ценнейшая разработка ушла бы в могилу вместе с Ли, а мы бы годами топтались на месте, повторяя пройденное.

Никто не заметил, что у низко склонившегося профессора мелко дрожали мышцы лица. Он стиснул зубы до скрежета, его глаза налились кровью, а пот градом катился по щекам, разбиваясь о мраморный пол.

Ли Жун слышал каждое слово наставника. Перед его глазами чередой проносились воспоминания: забота, тепло, искреннее участие, которыми Цзян Вэйдэ окружал его долгие годы. Этот человек действительно был добр к нему.

В то время как другие ассистенты лезли из кожи вон, чтобы угодить профессорам, он никогда не пытался выслужиться. Напротив, это Цзян Вэйдэ постоянно опекал его.

У наставника были проблемы с давлением и сахаром, поэтому супруга запрещала ему есть что попало и каждое утро готовила питательный завтрак. Профессор всегда брал порцию и для своего ученика, оправдываясь тем, что жена приготовила слишком много и он не в силах всё съесть. Если один или два раза это ещё могло быть совпадением, то постоянство выдавало намеренную заботу.

Цзян Вэйдэ и не подозревал, что Ли Жун на самом деле уже успел позавтракать у Цэнь Сяо; он искренне считал, что юноша живёт в съёмном жилье один и не имеет возможности даже нормально питаться.

Он невольно усмехнулся.

«Я всегда считал, что вижу мир насквозь, а на деле оказался слеп и глух. В прошлой жизни я почитал Цзян Вэйдэ как родного отца, а Цэнь Сяо считал злейшим врагом»

А теперь... Теперь его «добрый» наставник лжёт на глазах у всего мира, а по ту сторону телефонного провода его поддерживает тот самый Цэнь Сяо, который без колебаний встал на его сторону.

«Кто в этом мире не ошибался в людях? Кто не становился жертвой заблуждений?»

Впрочем, ложь профессора была ему на руку. Она избавляла его от множества проблем — ведь если бы началось расследование, Ли Жуну было бы трудно объяснить происхождение статьи.

Теперь же те, кто знает правду, будут содрогаться от страха. А страх — это всегда начало конца.

Юноша отправил в рот кусочек остывшего лосося.

— Принеси ещё два бокала горячего вина, — невнятно проговорил он в трубку. — Я хочу это отпраздновать.

Объяснение Цзян Вэйдэ было безупречным. Он мастерски занял моральную высоту, не оставив Торговой палате ни единого повода для возражений. Хотя, по правде говоря, большинству присутствующих было всё равно.

Цэнь Цину было безразлично, лжёт профессор или говорит правду. Сяо Мужань же, с трудом подавив вспышку рыданий и прикрывая ладонью покрасневшие глаза, растерянно замерла.

Цэнь Цин, загородив собой жену, мельком взглянул на сына. Цэнь Сяо лишь с презрением окинул взглядом рукоплещущую толпу, развернулся и, не оборачиваясь, вышел из зала. У отца тревожно ёкнуло сердце — он чувствовал, что сын знает гораздо больше, чем все они.

Выйдя из отеля «Семь звёзд», Цэнь Сяо замер, глядя на припорошенную снегом землю. Он поднял руку, ловя ладонью снежинку, и негромко произнёс:

— Твой аватар никогда не меняется. Каждый раз, когда идёт снег, я вспоминаю о тебе.

<http://bllate.org/book/15351/1428763>